

С.В. Мальцева

АРХИТЕКТУРА ЦЕРКВИ СВ. ГЕОРГИЯ В СТАРОМ НАГОРИЧИНЕ: О СТРОИТЕЛЬНЫХ ПЕРИОДАХ И МАСТЕРАХ¹

В истории сербской средневековой архитектуры церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине близ Скопья известна как один из крупных проектов, связанных с ктиторской деятельностью сербского короля Стефана Милутина (1282–1321). Дата основания — 1312/1313 г. и имя ктитора высечены над западным порталом храма. Вместе с тем архитектура фасадов отчетливо демонстрирует два строительных этапа. Очевидно, Милутин лишь перестроил более древнее здание церкви, сохранив его на значительную высоту и завершив пятиглавой композицией. Новые формы храма оказались важной вехой в формировании утвердившегося в сербском зодчестве первой четверти XIV в. архитектурного стиля, опиравшегося на византийскую строительную технику, а потому именно этот период в истории памятника вызвал пристальный интерес ученых. Однако несмотря на то, что историография, посвященная храму в Старом Нагоричине, объемна, памятник изучался югославскими, сербскими, греческими, отечественными и др. специалистами, многое в нашем представлении о его архитектурной истории до сих пор остается гипотетичным. Наиболее сложной задачей является атрибуция первого «архитектурного слоя» дошедшей до нас постройки. До сих пор нет подтвержденных данных о времени и обстоятельствах возведения храма, как и о происхождении мастеров. В истории его изучения предлагались различные варианты датировок с разбросом в широком временном диапазоне от Первого Болгарского царства в X в. до сербского строительства в конце XII столетия. Большинство исследователей полагали наиболее вероятным временем основания монастыря XI в. Поддерживая эту позицию, автор попытается продвинуться в ее обосновании.

Ключевые слова: король Милутин, сербская архитектура, Старое Нагоричино, византийская архитектура, Северная Македония, Охридская архиепископия

S.V. Maltseva

ARCHITECTURE OF THE CHURCH OF ST. GEORGE IN STARO NAGORIČANE: ON THE CONSTRUCTION PHASES AND BUILDERS

In the history of Serbian medieval architecture, the Church of St. George in Staro Nagoričane near Skopje has been known as one of the most important projects associated with the ktitorial activity of the Serbian king Stefan Milutin (1282–1321). Above the western portal of the church there is a carving with the date 1312/1313 and the name of the king. At the same time, the architecture of the facades clearly shows two construction phases. It seems that Milutin only rebuilt an older church, preserving it up to a considerable height and completing it with a five-dome composition. The new forms of the church proved to be an important milestone in the formation of the style established in Serbian architecture in the first quarter of the 14th century, which was based on Byzantine construction techniques, and therefore this period in the history of the monument aroused great interest among scholars. However, despite the fact that the historiography devoted to the church in Staro Nagoričane is extensive and that the monument has been studied by Yugoslav, Serbian, Greek and local specialists, much of our understanding of its architectural history is still

¹ Исследование выполнено в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААЧ на 2023 г., тема 1.1.1.2.

hypothetical. The attribution of the first “architectural layer” of the preserved church building has been one of the most important tasks. The time and circumstances of the construction of the church, as well as the origins of the builders, remain unconfirmed. Various dating options have been proposed throughout history, ranging from the First Bulgarian Kingdom in the 10th century to the Serbian project at the end of the 12th century. The most probable time of the foundation of the monastery is believed to be the 11th century, a position we support and aim to substantiate.

Keywords: King Milutin, Serbian architecture, Staro Nagoričane, Byzantine architecture, North Macedonia, Ohrid Archdiocese

В истории сербской средневековой архитектуры церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине близ Скопья известна как один из крупных проектов, связанных с ктиторской деятельностью сербского короля Стефана Милутина (1282–1321)² (Станковић 2012) (рис. 1). Дата основания храма — 1312/1313 г. — высечена над западным порталом (рис. 2). Строительные работы совпали с победой над турками в Малой Азии, где сербский отряд, посланный Милутиным на помощь своему зятю Андроннику II, сражался в составе византийского войска. Об этой победе также упоминается в храмовой надписи, сообщающей, что церковь, посвященная святому мученику Георгию, была

создана в дни святородного сербского короля Милутина, его супруги Симониды и игумена Антония. Сохранившийся фресковый ансамбль, подписанный мастерами придворной королевской артели Михаилом и Евтихием, известными по работам в других храмах Северной Македонии и Сербии, с датой росписи на западной стене интерьера 1317/1318 г., не оставляют сомнений в непосредственной причастности и к этому художественному ансамблю сербского правителя (Тодић 1993: 26–33). Монастырь расположен в пятидесяти километрах от Скопья, который после возвращения византийской власти на эти территории в начале XI в. становится политическим центром

Рис. 1. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине, южный фасад. Фото С. В. Мальцевой

² В тексте жития краля Милутина, написанного архиепископом Даниилом II, перечисляются десятки храмов, возведенных им не только на новых, завоеванных Сербией византийских землях, но и далеко за ее пределами (Константинополь, Салоники, Святая Земля) (Николовска 1977: 4).

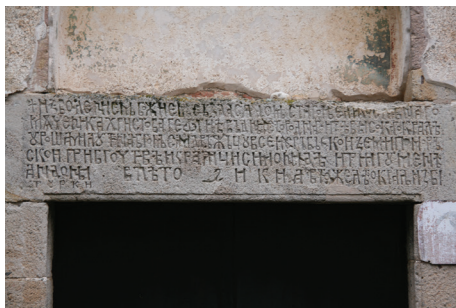

Рис. 2. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине, храмозданная надпись над западным порталом. Фото С. В. Мальцевой

административной фемы «Болгария» и не утрачивает своего значения после присоединения этих областей к Сербии в конце XIII в. Милутин утверждает свое господство на этих территориях обновлением древних храмов как в самом Скопье, так и в его окрестностях (Марjanовић-Душанић, Војводић 2016). Среди возрожденных им церквей упоминается кафедральный собор Богородицы Трое-ручицы в центре города, построенный византийцами еще в XI в. (Ćurčić 2010: 636). Из обновленных Милутиным построек до нашего времени дошла церковь Св. Никиты в Чучере (ок. 1307), возведенная на основаниях старого монастыря к северу от города в районе Скопской Чёрной горы (Марковић 2015: 51). Параллельно сербский король реализует еще более крупные проекты: возрождает древнюю сербскую обитель на Афоне, где по его заказу полностью перестраивают кафо-ликон Хиландара (до 1311) (Ćurčić 2010: 654–655), и осуществляет кардинальную перестройку церкви Богородицы Левишки в Косово, здания одной из первых епископий, перешедших в 1219 г. из охридского подчинения в сербскую автокефальную церковь в Жиче (Ненадовић 1963: 43; Мальцева 2022: 858, 862). Продолжив дело своих святых предков, Святых Симеона Немани и архиепископа Саввы Сербского, обустроивших Хиландар и Левишку в конце XII в., Милутин возвращается в области Скопья, где щедро украшает церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине. Этого святого король особо почитает в качестве своего

небесного покровителя (Немыкина 2020: 90–91). Хорошая сохранность и высокое художественное достоинство архитектуры и живописи этого храма привлекли внимание исследователей, историков-этнографов, уже в конце XIX в., в тот же период были составлены первые описания и опубликована надпись с именем ктитора. Изучение церкви продолжили Н.П. Кондаков и Г. Милле. Сделав первые обмеры и изучив план здания, оба исследователя, опираясь на дату, высеченную над входом, предполагали единовременность воплощения этого архитектурного решения (Кондаков 1909: 196–198). Анализируя особенности церкви Св. Георгия, Милле попытался связать их с константинопольскими образцами (Millet 1919: 98–102). Н.Л. Окунев, сосредоточившись на изучении архитектуры храма, впервые предположил наличие разных этапов строительства церкви со значительным временным интервалом между ними (Окунев 1925: 239–248; Окунев 1929). Нижние части здания, сложенные исключительно из крупных блоков гладко тесанного камня, исследователь датировал XI в. Это предположение нашло подтверждение в дальнейшем опыте натурного исследования памятника, предпринятом Ж. Татичем и Дж. Бошковицем (Татић 1929: 99–114). В 1930–1931 г. были проведены работы по раскрытию, реставрации и археологическому изучению здания, неожиданно показавшие, что нельзя исключать существования еще одной более древней постройки в основании поднимающейся над землей каменной кладки нижних частей старонагоричинской церкви, датируемых XI в. (Бошковић 1931: 173–176; Бошковић 1932: 215–220). Конфигурация и характер первого на этом месте сооружения до сих пор остаются не вполне проясненными, поскольку более основательные археологические изыскания до сих пор не проводились (Кораћ 1987: 70–71)³. Однако, если в последствии будут найдены надежные аргументы, подтверждающие, что архитектурная история храма уходит корнями в еще более глубокую древность, это может стать объяснением источника больших горизонтальных блоков тесанного камня в нижних частях существующего здания, редко

³ Подробная историография представлена в работах сербских исследователей, обобщающих итоги комплексного изучения всех этапов архитектурной истории храма (Ненадовић 1963: 170–171; Тодић 1993: 32–34; Кораћ 2003: 37–38).

встречающихся на Балканах в средне-византийский период⁴.

В процессе многократного опыта натурного изучения сохранившихся частей нагориченской церкви были выявлены границы перестройки здания со вторичным использованием старого камня в новой кладке на растворе XIV в. (*Татић* 1929: 99–114; *Бошковић* 1930: 195–206; *Ненадовић* 1963: 170; *Кораћ* 2003: 44). Обнаружились и следы примыкания полуоткрытой галереи, шедшей вдоль южного фасада и впервые замеченной на ктиторской фреске северной стены нартекса, где Милутин изображен с моделью храма в руках (*Ненадовић* 1963: 174). Эта пристройка, добавленная при поновлении храма в первой четверти XIV в., была разобрана в ходе работ по очередному восстановлению церкви на рубеже XVI–XVII в. Камень от разборки галереи использовали для возведения экзонартекса, руины которого хорошо видны и сегодня. Также были выявлены следы выборочных ремонтных работ в верхних частях здания, осуществленных тогда же, между 1570 и 1600 г. Дальнейшее изучение храма в контексте истории его возведения и живописной декорации было продолжено П. Поповичем и В. Петковичем (*Поповић, Петковић* 1933: 1–49). Эти сербские историки архитектуры, так же как и исследователи следующих поколений, сосредоточились на изучении перестройки храма в XIV в., тогда как старые части церкви датировали XI в. на основании сведений поздних литературных источников (*Ненадовић* 1963: 169–180; *Кораћ* 2003: 37–80). Самые ранние письменные

сообщения, агиографические, были собраны и проанализированы Б. Тодичем. Это житие Св. Иакима Сарандопорского, датируемое XV в., и жизнеописание подобного Прохора Пчинского, известное по спискам XVIII–XIX вв. (*Тодић* 1993: 29–34). В этих текстах основание монастыря связывается с пустынножителем Прохором Пчинским, биография которого плохо известна, но в память о нем в конце XI в. была основана соседняя обитель, находящаяся менее чем в двадцати километрах к северу от Нагоричина и также обновленная Милутиным в первой четверти XIV в. (*Стевовић* 2021: 37–41, с полной библиографией). В житии повествуется о встрече подвижника и Романа IV Диогена (византийский император 1067–1071), в ходе которой святой Прохор Пчинский предрекает константинопольский престол своему собеседнику. С этой легендой связывали основание монастыря в Старом Нагоричине и датировали древние части храма временем правления этого императора (*Тодић* 1993: 25).

Архитектура фасадов церкви отчетливо демонстрирует два строительных этапа. Очевидно, что Милутин лишь перестроил более древнее здание, сохранив его на значительную высоту и завершив пятиглавой композицией. Новые формы храма оказались важной вехой в формировании утвердившегося в сербской архитектуре первой четверти XIV в. архитектурного стиля, опиравшегося на византийскую строительную технику, а потому именно этот период в истории памятника вызвал пристальный интерес ученых (*Воронова* 2017). Однако, несмо-

⁴ Редкая для византийской архитектуры XI в. на Балканах техника кладки нижних частей церкви в Старом Нагоричине, так же как и отдельные черты в сербской рашской архитектуре XII–XIII вв., стала поводом для гипотезы о влиянии армяно-грузинских архитектурных традиций на сложение сербского и македонского средневекового зодчества. Первым в отношении древних частей нагоричинского храма такое предположение озвучил Н.Л. Окунев (*Окунев* 1925: 239–240, 247–248; *Окунев* 1929), учившийся у Н.Я. Марра и впечатленный армянской архитектурой в экспедициях к памятникам Ани (1911) и Тао-Кларджети (1917) (*Захарова, Мальцева* 2018). Ж. Татић к теме о восточных влияниях на архитектуру первого слоя в Старо Нагоричине добавил сирийский регион (*Татић* 1929: 102–03). До 40-х годов XX в., когда еще не было отчетливого представления о периодизации и региональных особенностях архитектуры византийской ойкумены, высокий уровень строительного производства и художественного достоинства, свойственные архитектурным сооружениям Закавказья, привлекли внимание ученых и стали поводом для популярности идей о кавказских влияниях в широких границах. Всплеск распространения этой теории был обусловлен и выходом в свет книги Й. Стржиновского «Архитектура армян и Европа» (*Strzygowski* 1918). Позднее, когда ученые продвинулись в изучении путей развития средневековой архитектуры Балкан, были найдены другие объяснения и подобраны более близкие аналогии, лучше отвечающие логике культурно-исторического развития региона. Совсем недавно была сделана попытка вернуться к идее Н.Л. Окунева о возможности кавказских влияний на архитектуру Северной Македонии и Сербии XI–XII вв., в частности Старо Нагоричина (*Янчаркова, Левашко* 2023: 174). На взгляд автора, приведенные в статье Ю. Янчарковой и С.С. Левашко аргументы в пользу возможности кавказских влияний на сербскую архитектуру первого слоя Старо Нагоричина (XI в.) и сербской архитектуры XII в. выглядят недостаточно убедительно и лишены опоры на основную историографию, посвященную проблемам становления средневековой архитектурной традиции на сербских и северомакедонских территориях.

тря на то что историография, посвященная храму в Старом Нагоричине, объемна (Тодић 1993: 25–34; Кораћ 2003: 37–38, с полной библиографией), памятник изучался югославскими, сербскими, греческими и отечественными специалистами, многое в нашем представлении о его архитектурной истории до сих пор остается гипотетичным. Наиболее сложной задачей оказалась атрибуция первого «архитектурного слоя» дошедшей до нас постройки (Бошковић 1932: 215–220; Мавродинов 1943: 103–108, ил. 11; Ненадовић 1963: 172–175; Тодић 1993: 25–34). До сих пор нет подтвержденных данных о времени и обстоятельствах возведения этого здания, как и о происхождении мастеров. В истории его изучения предлагались различные варианты датировок с разбросом в широком временном диапазоне от Первого Болгарского царства в IX–X вв. до сербского строительства в конце XII. Большинство исследователей полагали наиболее вероятным временем основания монастыря XI столетие (Окунев 1925: 239–248; Татић 1929: 99–114; Бошковић 1931: 173–176; Бошковић 1932: 215–220; Поповић–Петковић 1933: 1–49; Ненадовић 1963: 172–175; Тодић 1993: 25–34). Автор поддерживает такую датировку нижних частей церкви и попробует продвинуться в ее обосновании.

О том, что обновление монастыря Милутиным в первой четверти XIV в. ассоциировалось с почитанием св. Прохора Пчинского и историей славянской церкви во времена ее подчинения Охридскому в XI–XIII вв., может свидетельствовать иконографическая программа росписей храма, соответствующая идеологии сербского короля, прославляющего славянских просветителей, монахов-подвижников, а также святых представителей своего рода. Именно в этой связи в росписях старонагоричинского храма появляются образы охридских архиепископов Климента и Константина Кавасилы, пустыльников конца XI в. Иакима Сарандапорского (Осоговского) и Прохора Пчинского, а также Св. Симеона (до монашества Стефана Немани), родоначальника династии, к которой принадлежал Милутин (Немыкина 2020: 91–94; Тодић 1993: 25–33). Достигнув престола и расширив границы своего государства за счет скопских областей, которые и ранее завоевывались сербами у греков в конце XII в., Милутин старался возродить храмы, устроенные

его славными предками (Ђирковић 1981; Мальцева 2022). Тем не менее возможность основания старонагоричинского храма в конце XII в., когда северомакедонские территории недолго принадлежали сербам между 1180–1190-е гг., ничем не подтверждается. Инициатором масштабного каменного строительства в этот период мог быть только первый рашский правитель Стефан Неманя. Его ктиторийская деятельность тщательно отражена в текстах той эпохи, но ни в одном из нескольких дошедших до нас житий святого Симеона Мироточивого (Стефана Немани) нет упоминаний о церкви Св. Георгия в Нагоричино. Датировка старонагоричинского монастыря концом XII в. не кажется вероятной и ввиду характера архитектурной стилистики и типологии сохранных частей раннего храма, который в соответствии с протяженностью плана по оси запад – восток и археологически выявленными частями древних фундаментов реконструируется как трехнефная базилика с куполом или без (Мавродинов 1943: 101–105; Кораћ 1987: 71). Такая типология не получила распространения в сербской архитектуре второй половины XII–XIII вв. Архитектурное решение древнего нагоричинского храма имеет мало общего с постройками времени Стефана Немани (Джурджевы Ступови, 1171 г., Св. Луки в Которе, ок. 1195 г.) (Кораћ 1987: 18–20), сближает их только техника кладки с сугубым применением гладко шлифованного камня, не свойственная средне-византийской архитектуре македонских областей, но культивируемая мастерами Адриатического побережья Далмации (Кораћ 1987: 14–32, 145–156; Мальцева 2016: 185, 187).

Иное мнение, предлагающее, напротив, максимально раннюю датировку старой нагоричинской церкви началом X в., было высказано только болгарскими исследователями, известными стремлением связать средневековые памятники на северомакедонских территориях с историей болгарского зодчества, что не всегда находит достаточные основания. И в данном случае предложенные для нагоричинской церкви аналогии из числа преславских построек эпохи Симеона (893–927) не кажутся убедительными (Мавродинов 1931: 88; Мавродинов 1943: 101–105). При болгарском управлении (IX – нач. XI в.) в северо-западных регионах активного церков-

ного строительства не велось, культурно-политическая жизнь той эпохи была сосредоточена на востоке Балкан вокруг столиц в Плиске, Преславе, а затем южнее, в Охриде и на Преспе (Мальцева 2023: 783–784).

В ракурсе церковно-политической истории региона наиболее вероятным временем возведения нагоричинского монастыря представляется период возвращения византийского владычества, когда после разгрома Первого Болгарского царства храмовое зодчество получает новый импульс к развитию и распространяется вплоть до северных окраин теперь уже византийской фемы «Болгария». Наибольшая интенсивность строительства приходится на XI в. после учреждения византийским императором Василием II Болгаробойцей Охридской архиепископии, призванной окормлять славянское население империи (Захарова, Мальцева 2022). В первое время консолидация строительных кадров происходит вокруг Охрида, потом инициатива постепенно переходит к крупным византийским военным аристократам, управляющим возвращенными территориями. К числу византийских наместников принадлежал и Роман IV Диоген, поставленный на управление Сердикой (Триадией, позднее наименование — София) незадолго до его последующего воцарения на императорском престоле в Константинополе. О храмовом зодчестве этого времени автор подробно писал в других статьях, посвященных церковно-политической идеологии Охридской архиепископии и связанному с ней храмовому строительству средневизантийского периода (Мальцева, Фрезе 2021b). Автору удалось показать, что во второй половине XI в. строилось немало храмов, в том числе и к северу от Охрида, в соседних с Нагоричино районах, на путях из Сердики в центр византийского политического наместничества — Скопье (церкви: Св. Николая в Бояне, Иоанна Богослова Земенского монастыря, Св. Николая (Св. Георгия) в Колуше и Сапаревой Бане) (Мальцева 2023). По заказу Охрида мастера-строители могли перемещаться в регионы, где своей архитектурной традиции до этого не сложилось. Возведение храмов в северо-западных областях Балкан осуществлялось с привлечением мастеров из Северной Македонии, Северного Эпира и других сосед-

них греческих областей, что позволяют предполагать некоторые архитектурные особенности церквей в Земене, Старой Павлице и др. (Мальцева 2023: 787–791). С другой стороны, северные окраины Охридской архиепископии в середине – второй половине XI в. испытывают прямое влияние Салоник, что уже заметно в земенском храме и о чем свидетельствует церковь в Колуше (Мальцева 2023: 792–795). Салоники того времени оказываются тем художественным центром, где столичные тенденции утверждаются и смешиваются с афонскими (Мальцева 2023: 795). Если анализировать церковное зодчество в границах Охридской архиепископии XI в. в целом, обнаруживается значительное разнообразие архитектурных типов, от базилик до различных вариантов центрических построек. Это объясняется широким полем деятельности, разнообразием заказов, обеспечиваемых как мастерами локальных региональных традиций (Кастория, Эпир и др.), так и влиянием разных художественных центров, включая Салоники, Афон, опосредовано Константинополь. Таким образом, с точки зрения культурно-исторического контекста появление древней нагоричинской церкви в XI в. кажется вполне вероятным, однако архитектурные параметры этого здания не находят прямых аналогий в ближайших к Нагоричину окрестностях.

Не имея возможности удостовериться в точности сведений письменных источников, указывающих на время и обстоятельства основания старонагоричинского монастыря при Романи IV Диогене, обратимся к более детальному анализу архитектурных особенностей храма.

От названных выше памятников, построенных в соседних областях во второй половине XI в., древнее здание церкви Св. Георгия отличают вытянутая базиликальная конфигурация плана, а также техника кладки из крупных блоков гладко тесанного камня, горизонтально положенных на известковом растворе с тонкими швами. С востока старое здание церкви завершает одна полукруглая апсида (рис. 3). Таким образом, от древней постройки сохранен весь периметр внешних стен, поднимающихся выше 5 м, что составляет более половины высоты храма, включая апсиду (Бошкович 1932: 215–220). Еще одной характерной особенностью древней постройки были мощно выступающие

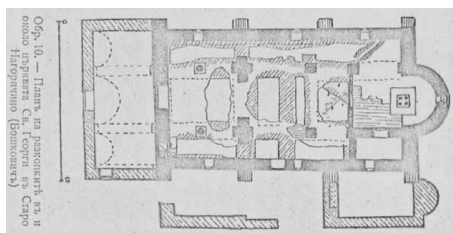

Рис. 3. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине. План по Дж. Бошковичу (Ненадовић 1963: 173)

на фасадах пилястры прямоугольного сечения, по четыре на продольных фасадах и две на западном. Лучшее сохранилось одна из лопаток северного фасада (рис. 4). Наблюдения, сделанные Дж. Бошковичем, С. Ненадовичем, Б. Тодишем при изучении конструкций храма, добавленных при перестройке XIV в., позволяют предполагать, что западная пара несущих купол крестчатых опор, на границе наоса и нартекса, могла быть сохранена от предыдущей постройки и находится на своем старом месте, на пересечении археологически обнаруженных продольных и поперечных фундаментных лент (Бошкович 1932: 215–220; Ненадовић 1963: 172; Тодић 1993: 37). Этим западной паре столпов отвечают лопатки как на продольных, так и на западном фа-

саде, тогда как восточная пара опор под купольного квадрата оказалась смещена к западу и не согласуется с примыканием наружных пилястр. Расположение лопаток на фасадах здания на равном расстоянии друг от друга (ок. 5 м) для автора является решающим аргументом в давней дискуссии о первоначальной типологии здания. Автор присоединяется к мнению сербских ученых, полагающих, что древняя церковь в Старом Нагоричине, до ее перестройки Милутиным в пятикупольный храм, была трехнефной базиликой с наружными лопатками, отвечающими расстановке столпов в интерьере (Ненадовић 1963: 172–173; Тодић 1993: 37). Завершение храма при этом остается гипотетичным.

Базилики, получившие распространение в северных регионах Балкан вплоть до начала XI в., продолжили свое существование в рамках деятельности Охридской архиепископии и в XI–XII вв. Как показало проведенное автором исследование, часто причиной выбора базиликального решения становилась необходимость строительства храмов крупного размера в условиях, когда нанятые артели не обладали достаточными навыками для возведения центрической

Рис. 4. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине, северный фасад. Фото С. В. Мальцевой

купольной постройки нужного масштаба (Мальцева, Фрезе 2020а).

Другая особенность нагоричинского храма, которая, напротив, нечасто встречается в византийском церковном строительстве под эгидой Охридской архиепископии, — техника кладки из крупных каменных блоков. Высокое качество обработки каменных глыб, какое мы находим в кладке храма в Старом Нагоричине, в византийской балканской архитектуре этого времени является редкостью и может свидетельствовать о вторичном использовании камня, взятого от разбора позднеантичных или раннесредневековых сооружений. Например, похожая ситуация имела место в церкви Св. Николая в Месопотаме (Саранда, Албания), где тоже для строительства храма были использованы квадры от более древнего, вероятно античного, сооружения (Meksi 1972; Koch 1985: 42–47; Giakoumis, Karaiskaj 2004)⁵.

Практика качественной обработки камня на Балканах в период зрелого средневековья сохраняется преимущественно в прибрежных областях Ионического моря и Адриатики. Здесь архаические традиции, опирающиеся на античное прошлое, переплетаются с новыми веяниями романской архитектуры, уже получившей в XI в. достаточно широкое распространение на Далматинском побережье (Marasović 2017: 18–22). Непрерывное развитие традиций каменного зодчества в этих регионах, пополняемое из арсенала новаций европейской архитектуры через контакты с Италией на другой стороне Адриатики и Венгрией на северных границах балканского берега, сделало далматинских каменщиков специалистами высокого уровня. Следы их участия заметны в разные времена на строительных площадках с обширной географией от культурно-политических центров Первого Болгарского царства до сербских заказов на протяжении всего средневекового периода (Мальцева 2016). Роль приморских мастеров в формировании основных архитектурных направлений сербского зодчества переоценить сложно, однако об использовании далматинских мастеров на заказах Охридской архиепископии известно немного. При этом в южных регионах самой

Далмации именно в XI в. отмечают новую волну усиления византийского влияния, которую связывают с падением болгарского царства, возвращением византийского владычества и новыми строительными инициативами в северомакедонских областях Балкан после учреждения Василием II Охридской архиепископии (Marasović 2017: 22–23, 259.) Эта тема представляется автору недостаточно изученной и перспективной для дальнейшей глубокой проработки. Архитектурная история церкви Св. Георгия в Старом Нагоричине может стать важным шагом к лучшему пониманию процессов взаимодействия приморских мастеров и заказчиков на строительстве во внутренних областях Балкан в XI в. Предположение о том, что истоки архитектурного решения храма в Нагоричино нужно искать на берегах Адриатического моря, впервые было высказано М. Васичем (Васић 1929: 134–136) и развито Б. Тодичем в его монографии, посвященной храму, но осталось без детальной аргументации (Тодић 1993: 40–41). Соглашаясь с этой гипотезой, попробуем дать ей более подробное обоснование. Б. Тодич в поисках аналогий каменной кладки храма Св. Георгия проводит параллель с церковью Иоанна Богослова в Земене, возведенной в 60 км от Старого Нагоричина в середине XI в. Изучив особенности небольшого квадратного в плане крестовокупольного храма в Земене, автор пришел к заключению о невозможности сопоставления архитектурных параметров этих церквей. В кладке Земена действительно используется камень, но значительно меньшего размера, грубо обработанный под штукатурку с орнаментальной фасадной росписью. Вероятно, мастера, построившие земенский храм, могли прийти с берегов Ионического побережья Эпира (Мальцева 2023: 787–791).

Базиликальный план нагоричинского храма, древние части которого выложены из гладко тесанных каменных блоков с тонкими швами известкового раствора и выступающими лопатками, на взгляд автора, имеет более близкие аналогии в южных областях Далмации, например в одном из древнейших кафедральных соборов Дубровника, церкви Св. Петра Большого. Этот археологический памят-

⁵ В историографии нет единого мнения о датировке храма и его элементов. Одни исследователи предполагают, что в XIII в. имела место перестройка храма XI в. (Meksi 1972; Koch 1985: 42–47), другие видели здесь один этап возведения храма в XIII в. с использованием старых каменных блоков-спойлий, но при этом монастырские стены датировали не позднее X в. (Giakoumis, Karaiskaj 2004).

ник, располагавшийся у стен византийской крепости, был изучен З. Пековичем, а вслед за ним и Т. Марасовичем (*Peković* 1996; *Marasović* 2013: 88–103), опубликовавшим первоначальный план постройки (рис. 5), реконструкцию храма в виде купольной базилики с вытянутым барабаном и эллипсовидной скупьей, а также множество фрагментов декоративной каменной резьбы (около 200), украшавшей интерьер постройки. Основываясь на типологии здания и стилистических параметрах найденных рельефов, хорватские исследователи предложили датировать храм самым концом X в. (*Marasović* 2013: 104). Этот далматинский памятник относится ко времени, когда под влиянием романских традиций в этом регионе развивается тенденция артикуляции фасадов пилястрами, точно отражающими расстановку опор в интерьере и выступающими в роли контрфорсов (*Marasović* 2017: 241–259; *Čunlaca* 1996: 65–74).

Размеры базилики в Дубровнике (20,8 × 10,2 м) (*Marasović* 2013: 92), конфигурация плана и толщина стен оказываются близки церкви Св. Георгия в Старом Нагоричине (18 × 9,2 м) (*Тодић* 1993: 42).

Также совпадают количество прямоугольных фасадных лопаток и интервал между ними, при этом в нагоричинском храме их вынос оказывается мощнее и практически равен толщине стен (0,70 м) (*Ненадович* 1963: 173). В отличие от церкви Петра в Дубровнике, в Нагоричине лопатки не входят в интерьер храма. Б. Тодиц дал этому убедительное объяснение, связав отсутствие лопаток с необходимостью наложения на стены ровного слоя штукатурки под фресковую роспись, следы которой еще читаются в нижних частях северной стены церкви (*Тодић* 1993: 38). Собор в Дубровнике реконструируется с двумя башнями с запада. В юго-западном углу нартекса Нагоричина были обнаружены следы лестницы, разобранной при перестройке XIV в. (*Bošković* 1930: 196–197). В первоначальном варианте она вела в некий объем, примыкающий или находившийся над нартексом. С. Ненадович предложил гипотезу об устройстве в этой части древнего здания катехумениума (*Ненадович* 1963: 172)⁶. Натурные обследования нартекса церкви свидетельствуют о существенных изменениях первоначальной постройки

Рис. 5. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине, алтарная преграда в интерьере. Фото С. В. Мальцевой

⁶ Вторые этажи над нартексом известны в архитектуре Адриатического приморья в IX–XI вв. (*Marasović* 2017: 201–203).

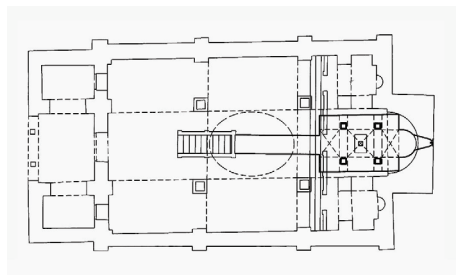

Рис. 6. Церковь Св. Петра Большого в Дубровнике. План по З. Пековичу (Marasović 2013: 89)

Рис. 7. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине, капитель алтарной преграды (XI в.?). Фото С.В. Мальцевой

в XIV в. На плане дубровницкой церкви находим и близкие по конфигурации Нагорчину западные крестчатые столпы также с примыкающими к ним продольными отрезками стен, отделяющими наос от нартекса. Граница алтарной преграды в обоих храмах оказывается почти на одном уровне и отделяется от предполагаемого места размещения восточных столпов достаточно узким проходом. В Нагоричине элементы центральной части первоначальной каменной алтарной преграды сохранилась, но в XIV в. интерколумнии были заложены для размещения в них фресковых икон местного ряда с образами Св. Георгия и Богородицы Пелагонитиссы (1317–1318) (Тодић 1993: 38) (рис. 6). О древности элементов этой алтарной преграды свидетельствуют характер уступчатых профилировок каменного эпистилия, конфигурация граничных колонок и форма их капителей,

украшенных резьбой с мотивом лилии (крина) и вытянутого листа (рис. 7). Б. Тодич предположил романское происхождение этих мотивов и привел для сравнения капители Богородичной церкви в Аполонии (около 1220, Албания) (Тодић 1993: 38; Koch 1985: 48–53)⁷. Круг аналогий с такими мотивами каменной резьбы может быть значительно расширен за счет далматинских памятников X–XI вв., где капители с похожими орнаментами не редкость (рис. 8, а). Подобные примеры находятся в разных вариантах фасадного и интерьерного декора, но чаще их можно встретить именно в оформлении алтарей (Marasović 2011: 428–429; Marasović 2013: 253) (рис. 8, б). Капители колонок алтарной преграды с мотивом крина и вытянутым листом были обнаружены в археологическом слое X–XI вв., раскрытом на территории античного дворца Дио-

а

б

Рис. 8. а — раннесредневековая капитель алтарной преграды, фрагмент. Из собрания скульптурного декора Лapidария в Сплите (Marasović 2011: 429); б — плита из алтарной преграды. Из собрания скульптурного декора Лapidария в Сплите (Marasović 2011: 428)

⁷ Только В. Корач не согласился с Б. Тодичем и считал, что алтарная преграда и ее росписи одновременны и принадлежат XIV в. (Корач 2003: 65). Полагаем, что при перестройке Милутина алтарная преграда могла быть передвинута и перестроена с использованием старых элементов ее конструкции. Эпистилий, колонки, капители могут принадлежать старому зданию церкви.

Рис. 9. Фрагменты раннесредневекового скульптурного декора алтаря из раскопок античного дворца Диоклетиана в Сплите (Marasović 2011: 433)

клетиана в Сплите (Marasović 2011: 431–432) (рис. 9).

Специфика приморской архитектурной традиции, включая резьбу по камню, во многом объясняется непрерывной связью с античностью, которую в этом регионе удалось сохранить благодаря непосредственному внедрению Средневековья в структуру позднеимперских и раннехристианских городов. Прививка древней культурой дала свои плоды, подлинные античные мотивы послужили образцами и получили дальнейшую интерпретацию уже в контексте другой стилистической программы средневекового зодчества (Јанковић 2007: 9–17).

Элементы алтарной преграды — это не единственные образцы каменной резьбы, которые могли принадлежать древнему зданию нагоричинской церкви. В связи с атрибуцией ее первого слоя зна-

чительный интерес представляет капитель южной колонны нартекса с вырезанным мотивом завитка-спирали (рис. 10)⁸. Интересно, что резьба не была завершена, а аналогичная капитель парной северной колонны совсем не прорезана и оставлена в виде заготовки. Это может свидетельствовать об отсутствии местных мастеров и спешке приглашенных резчиков, по какой-то причине не успевших закончить начатую работу. Похожие варианты завитка-спирали, в данном случае замещающего валюту ионической капители, получают широкое распространение уже с IX в. на большей части Адриатического побережья Балкан. Более точные датировки отдельных образцов оказываются затруднительными ввиду устойчивости этого мотива (Marasović 2011: 74; Marasović 2013: 435) (рис. 11). Аналогичные примеры использования капителей с завитком-спиралью обнаруживаются и дальше, к юго-востоку Адриатического побережья в уже упомянутой автором церкви Св. Николая в Месопотаме. На элементах капителей этой церкви встречаются знакомые мотивы спиралей, лилий и пальметок⁹ (рис. 12). Первые исследователи, изучавшие церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине, обращали внимание на необычные колонны нартекса и связывали их с первым зданием XI в., пытаясь найти аналогии в архитектуре Закавказья, к влиянию которой тогда относили стиль древней постройки. Только Б. Тодич предложил датировать капитель южной колонны Нагоричина временем перестройки Милу-

Рис. 10. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине, капитель южной колонны нартекса. Северная Македония. Фото С. В. Мальцевой

Рис. 11. Раннесредневековая плита из Галы, Хорватия (Marasović 2011: 74)

⁸ Позднее, при перестройке 1311–1313 гг., над старыми капителями появятся дополнительные новые импосты с монограммой Милутина.

⁹ Точная датировка капителей не установлена, но возможность их принадлежности к ранней истории монастыря (XI в.) не исключается (Koch 1985: 42).

Рис. 12. Церковь св. Николая, Месопотам, Албания, капитель. Фото С.В. Мальцевой

тина (1312/1313) на основании ее сходства с капителью колонки бифоры на западной стене церкви Богородицы в Левишке (рис. 13), где также около 1307 г. велась реконструкция более ранней базилики XI в. (Ненадовић 1963: 90-91; Тодић 1993: 38). В данном случае автор не может согласиться с мнением Б. Тодича, поскольку мы не встречали примеров такой капители в XIV в. Стилистика этой капители отличается от исполнения других капителей Левишки. Также она не похожа на резьбу рельефов начала XIV в., обрамляющих западный портал призренского храма. Полагаем, что капитель со спиральными завитками в Левишке может быть спolieй, происходящей из слоя базилики XI в. Таким образом, сходство капителей двух храмов неслучайно, их объединяет ранняя история базилик, позднее реконструированных Милутиным близким образом (Ненадовић 1963).

Высказанное Б. Тодичем суждение о том, что прямоугольные окна продольных фасадов вместе с серповидной аркой тимпана западного портала, несвойственные византийской архитекту-

Рис. 13. Церковь Богородицы Левишки в Призрене, капитель бифоры западной стены наоса (Ненадовић 1963: 91)

ре, хорошо известны на далматинском побережье и их также следует отнести к древней истории нагоричинского храма (Тодић 1993: 40), представляется автору абсолютно верным. К старым частям здания, вероятно, принадлежат и каменные элементы большого окна-бифоры, расположенного на западном фасаде и получившего кирпичное завершение уже при перестройке XIV в. Колонки, разделяющие оконницу, перевязаны «геракловым узлом» (рис. 14), это еще один античный мотив, который к XI в. получил широкое распространение как в Византии, так и в искусстве Романики. Мотив «гераклова узла», увиденный мастерами короля Милутина при перестройке церкви в Старом Нагоричине (1312/1313), будет воспроизведен этими же мастерами при оформлении алтарного окна Кралевой церкви в Студенице (1314), но уже в стилистике, свойственной XIV в. (Čurčić 2015).

Возвращаясь к типологии храма, интересно обратить внимание и на другую особенность нагоричинской базилики. При всем сходстве ее плана с церковью Св. Петра в Дубровнике восточная часть в Нагоричине решена полукруглой апсидой, что отличает ее от дубровницкой церкви с типичным для далматинского приморья вариантом оформления алтаря прямоугольным выступом снаружи и экседрой внутри. При этом апсида Нагоричина не перевязана с кладкой восточного фасада, а приставлена к нему с заметными швами. Отсутствие изменений в материале и характере кладки позволяет предположить перестройку этой части здания в близкое от возведения основного объема время. Возможно, привычный для приморских мастеров прямоугольный выступ апсиды был изменен заказчиком, ориентированным на византийскую традицию архитектурного оформления алтаря, типичного для этого региона в XI в. (Земен, Колуша, Сапарева Баня и др.). Исполнена апсида в той же технике и стилистике, что и весь храм. Специфическая форма одинарного перспективного окна с уступами, заглубленными в откос, так что оконница оказывается выведена вровень с фасадной кладкой, не находит аналогий в византийской традиции, но встречается в постройках побережья XI-XII вв. (рис. 15). Очень похожий пример, на который указал Б. Тодич, находим в руинированной церкви на острове Сарди

Рис. 14. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине, окно западного фасада (XI в.?), встроенное в кладку при перестройке XIV в. Фото С. В. Мальцевой

в Албании. К сожалению, время постройки этого храма до сих пор точно не определено, его широко датируют в пределах XI–XII в. (Тодић 1993: 40, прим. 31) (рис. 16).

Автор полагает, что именно мастера адриатического побережья могли быть причастны к строительству базилики в Старом Нагоричине. В условиях подъема церковного строительства, который приходится на XI столетие, можно предположить привлечение опытных строителей из приморских областей. Участие далматинских мастеров, как правило, сопровождается специфической строительной техникой с преимущественным использованием камня, а также рядом

стилистических особенностей, не типичных для средневизантийской архитектуры Балкан.

Что касается перестройки церкви в Старом Нагоричине в эпоху сербского короля Милутина, завершенной в 1313 г.,

Рис. 15. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине, абсида. Фото А. А. Фрезе

Рис. 16. Руины церкви на острове Сарди (XI–XII в.?), Албания (URL: [google.com/maps/place](https://www.google.com/maps/place))

Рис. 17. Церковь Св. Георгия в Старом Нагоричине (1312/1313), верхние части здания после перестройки XIV в. Фото С. В. Мальцевой

Рис. 18. Церковь Богородицы Левишки в Призрене после перестройки ок. 1306 г. (URL: blagofund.org)

этот этап архитектурной истории храма демонстрирует все специфические черты стиля того времени, включая программу фасадной декорации (Заворина, Мальцева 2021) (рис. 17), и имеет достаточно полное освещение в историографии (Ненадовић 1963: 174–178; Тодић 1993: 43–70; Кораћ 2003: 37–80, со списком литературы). Реконструкция церкви Св. Георгия осуществлялась по образцу призренской Левишки (ил. 16) частью мастеров той же эпископской артели (Ненадовић 1963: 174–178; Ćurčić 2015). Однако при меньшем масштабе исходной базилики при перестройке было воплощено несколько измененное и упрощенное архитектурное решение. В Старом Нагоричине нет сложной структуры двухэтажного нартекса и башни, которые были нужны в кафедральном храме Призрена. При меньшей протяженности плана нагоричинской церкви в ее восточной части не потребовалось встраивать купольную виму, как это было сделано в Левишке (рис. 18). Повторяя модель внедрения пятикупольной конструкции в тело древней базилики, осуществленную в Призрене, в Нагоричине мастера используют иную ее вариацию. Основная глава храма, акцентированная здесь в большей степени, чем в Левишке, высоко поднимается на постаменте и занимает центральное положение. Барабаны малых глав суще-

ственно увеличиваются в диаметре и широко размещаются над углами боковых нефов первоначального объема, тогда как открытые портики с тремя аркадами пристраиваются вдоль продольных фасадов, образуя подобие галерей. В призренском храме вся пятикупольная композиция встроена в пространство одного центрального нефа, а боковые, объединенные нартексом, сформировали круговой обход. В церкви Св. Георгия периметр фасада максимально сохраняет первоначальную кладку, которая обыгрывается в новом художественном замысле. Верхние зоны храма в Старом Нагоричине отличает более объемная, чем в Призрене, пластика фасадов с уступчатыми профилировками тимпанов рукавов креста. Строителям удалось мастерски сочетать лапидарность тяжелых гладко шлифованных квадр древнего основания с пышностью пятиглавого завершения, эффектно украшенного кружевом керамопластического декора. Перестройка эпископскими мастерами Милутина древней базилики в Старом Нагоричине, наряду со следующим проектом в Грачанице (до 1320) (Ђурчић 1988; Ćurčić 2015), стала еще одним примером высокохудожественного, конструктивно продуманного творческого решения, сыгравшего роль образца для новых роскошных задужбин сербских правителей XIV–XV вв. (Св. Архангелы в Призрене, Раваница, Ресави).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бошковић 1931 — Бошковић Ђ. Извештај и кратке белешке са путовања // Старице. Вып. III. Београд, 1931. С. 188–189.
 Бошковић 1932 — Бошковић Ђ. Архитектонски извештаји (2). Оправка црк-

вы у Старом Нагоричину // Гласник Скопског научног друштва. XI. 1932. С. 216–220.

- Васић 1929 — Васић М.М. Црква Св. Ђорђа у Старом Нагоричину // Мисао. Вып. XXXI. 1929. С. 125–138.

- Воронова 2017 — Воронова А.А. Особенности «византинизации» сербской архитектуры в эпоху короля Милутина (1281–1321) // Вестник ПСТГУ. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. Вып. 28. 2017. С. 26–48.
- Заворина, Мальцева 2021 — Заворина М.Л., Мальцева С.В. Фасадный декор в эпирской архитектурной традиции: единство принципов и многообразия средств // Вопросы всеобщей истории архитектуры. № 2 (17). 2021. С. 99–113. DOI: 10.25995/NIITI-AG.2021.17.2.018 URL: <https://via.elpub.ru/jour/article/view/27>
- Захарова, Мальцева 2018 — Захарова А.В., Мальцева С.В. Новые данные о росписях X–XI вв. в Тао-Клардже-ти по материалам экспедиции Н.Л. Окунева 1917 г. // Византийский временник. Т. 102. 2018. С. 288–317. URL: <http://www.vremennik.biz/en/node/58884>
- Захарова, Мальцева 2022 — Захарова А.В., Мальцева С.В. Художественные традиции и церковно-политическая идеология в искусстве // Византийский Временник. Т. 106. 2022. С. 174–199.
- Кондаков 1909 — Кондаков Н.П. Македония. Археологическое путешествие. СПб.: Типография императорской академии наук, 1909.
- Кораћ 1987 — Кораћ В. Измењ у Византије и Запада: одабране студије о архитектури. Београд: Просвета, 1987.
- Кораћ 2003 — Кораћ В. Споменници монументалне српске архитектуре XIV века у Повардарју. Београд: Полиграф, 2003.
- Мавродинов 1931 — Мавродинов Н. Еднокораната и крстовидната црква по българските земи до края на XIV век. София, 1931.
- Мавродиновъ 1934 — Мавродиновъ Н. Археологични и художествено исторични изследвания изъ Македония // Македонски Прегледъ. XIII. Кн. 4. София, 1943. С. 95–116.
- Мальцева 2016 — Мальцева С.В. Пути и формы западноевропейских влияний в архитектуре Сербии XIV–XV веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. Вып. 6 / под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2016. С. 185–196.
- Мальцева 2020 — Мальцева С.В. Монастырская архитектура эпохи святых Наума и Климента Охридских в контексте храмового зодчества первого Болгарского царства и архитектурных традиций византийских провинций IX–XI веков // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. Вып. 10 / под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2020. С. 809–828.
- Мальцева 2022 — Мальцева С.В. Строители Милутина и Душана как проводники имперской идеологии в Македонии // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. Вып. 12 / под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 856–881.
- Мальцева 2023 — Мальцева С.В. Архитектура северных окраин Охридской архиепископии в XI веке // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. Вып. 13 / под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: НП-Принт, 2023. С. 782–805.
- Мальцева, Фрезе 2021b — Мальцева С.В., Фрезе А.А. Строительство в Северной Македонии в период возвращения под византийское владычество // Актуальные проблемы теории и истории искусства : сб. науч. ст. Вып. 11 / под ред. А.В. Захаровой, С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021. С. 422–436.
- Мальцева, Фрезе 2021a — Мальцева С.В., Фрезе А.А. Базилики XI–XII веков в Македонии // Византийский Временник. Т. 105. 2021. С. 179–203.
- Марјановић-Душанић, Војводић 2016 — Марјановић-Душанић С., Војводић Д. Образ царства — идеја и слика власти у Србији (1299–1371) // Сакрална уметност српских земаља у средњем веку / ред. Д. Војводић, Д. Поповић. Београд: Службени гласник, 2016. С. 299–316.
- Марковић 2015 — Марковић М. Свети Никита код Скопља: Задужбина краља Милутина. Београд: Службени гласник Филозофски факултет, Институт за историју уметности, 2015.
- Немыкина 2020 — Немыкина Е.А. Трансформация идеологии Неманичей в памятниках эпохи Милутина (1282–1321) на завоеванных македонских территориях // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. № 1. 2020. С. 89–106.

- Ненадовић 1963 — Ненадовић С. Богородица Левишка: њен постанак и њено место у архитектури милутиновог времена. Београд: Народна књига, 1963.
- Николовска 1977 — Николовска С. Изградени и обновени манастири и цркви от кралот Милутин. Скопје: Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија, 1977.
- Окунев 1925 — Окунев Н.Л. Некоторые черты восточных влияний в средневековом искусстве южных славян // Сборник в часть на В. Златарски. София: Държавна печатница, 1925. С. 229–252.
- Окуневъ 1929 — Окуневъ Н. Црква светоза Ђорђа у Старом Нагоричину // Гласник Скопског научног друштва. Vol. V. 1929. С. 87–120.
- Поповић, Петковић 1933 — Поповић П., Петковић В. Старо Нагоричино — Псача — Каленић / Стари српски уметнички споменици. Књ. 1. Београд: Државна Штампарија Краљевине Југославије, 1933.
- Станковић 2012 — Станковић В. Краљ Милутин, 1282–1321. Београд: Изд-во Фреска, 2012.
- Стевовић 2021 — Стевовић И. Манастир преподобног Прохора Пчињског и црква светог Ђорђа у Стапром Нагоричину: Један вид образовања у доба краља Милутина // Преподобни Прохор Пчињски 950 година у Српском народу. Врање: Епархија Врањска, 2021. С. 37–43.
- Татић 1929 — Татић Ж.М. Трагом велике прошлости: Светогорска писма и монографске студије старее српске архитектуре. Београд: Српски књижевни гласник, 1929.
- Тодић 1993 — Тодић Б. Старо Нагоричино. Београд: Просвета, 1993.
- Ћирковић 1981 — Ћирковић С. Унутрашња политика краља Милутина // Историја српског народа I–II. Од најстаријих времена до Маричке битке (1371). Београд, 1981. С. 462–475.
- Ћурчић 1988 — Ћурчић С. Грачаница: Историја и архитектура. Београд; Приштина: Просвета-Јединство, 1988.
- Јанчаркова, Лешовско 2023 — Јанчаркова Ј., Лешовско С.С. Историја идей. Н.Л. Окунев: армянская архитектурно-строительная традиция в сложении сербской и македонской средневековой архитектуры // Вопросы всеобщей истории архитектуры. № 1 (20). 2023. С. 165–178. DOI: 10.22227/2500-0616.2023.20.165-178
- URL: <https://vvia.elpub.ru/jour/article/view/90>
- Јанковић 2007 — Јанковић Ђ. Српско Поморје од 7. до 10. столећа. Београд: Српско археолошко друштво, 2007.
- Bošković 1930 — Bošković D. Deux églises de Milutin: Staro Nagoričino et Gračаница // L'art byzantin chez les Slaves. Les Balkans. I. Paris : P. Geuthner, 1930. P. 195–12.
- Čurčić 2010 — Čurčić S. Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (ca. 300 — ca. 1550). London; New Haven: Yale University Press Publ., 2010.
- Čurčić 2015 — Čurčić S. The Epirote Input in the Architecture of Byzantine Macedonia and of Serbia Around 1300 // Collection of Articles in Honor of Academician Panayotis L. Vocotopoulos. Athens: Kapon, 2015. P. 127–140.
- Giakoumis, Karaiskaj 2004 — Giakoumis K., Karaiskaj G. New architectural and epigraphic data on the site and cathedral of the monastery of St. Nikolaos at Mesopotam (Southern Albania) // Monumentet. Vol. 1. 2004. P. 77–5.
- Gunlača 1996 — Gunlača Z. Kontrafori, lezene i niše u starohrvatskom graditeljstvu // Starohrvatska spomenik baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža : Zbornik radova znanstvenog skupa održanog 6–8. Listopada 1992. Zagreb: Muzejsko galerijski centar, 1996. С. 65–74.
- Koch 1985 — Koch G. Albanien. Kulturdenkmaeler eines unbekannten Landes aus 2200 Jahren. Marburg, 1985.
- Marasović 2011 — Marasović T. Dalmatia praeromanica. Ranosrednjovjekovno graditeljstvo u Dalmaciji. 3. Korpus arhitekture. Srednja Dalmacija. Split; Zagreb: Književni krug Split, Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, Arhitektonski fakultet sveučilišta u Zagrebu, 2011.
- Marasović 2013 — Marasović T. Dalmatia Praeromanica. Ranosrednjovjekovno Graditeljstvo u Dalmaciji / Korpus Arhitekture Južna Dalmacija, Bosna i Hercegovina, Crna Gora. Vol. 4. Split; Zagreb: Dalmacija papir, 2013.
- Marasović 2017 — Marasović T. Dalmatia Praeromanica. Early Medieval. Architecture in Dalmatia. 1st Synthesis. Split; Zagreb: Dalmacija papir, 2017.
- Meksi 1972 — Meksi A. Arkitektura e Kishës së Mesopotamit (L'architecture de l'église de Mesopotam) // Monumentet. Vol. 3. 1972. P. 47–94.

Millet 1919 — Millet G. L'ancien art serbe. Les églises. Paris: E. de Boccard, 1919.
 Peković 1996 — Peković Ž. Crkva sv. Petra u Dubrovniku // Starohrvatska spome-

nička baština, Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža, Znanstveni skup i okrugli stol 6, 7. i 8. listopada, Zagreb, 1996. C. 267–277.

REFERENCES

- Voronova A.A. Osobennosti «vizantinizatsii» serbskoj arkhitektury v epokhu korolia Milutina (1281–1321) (Features of "Byzantinization" in Serbian Architecture in the Time of King Milutin (1282–1321)). *Vestnik PSTGU. Seriya V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva (St. Tikhon's University Review, Series 5: Problems of History and Theory of Christian Art)*, no. 28, 2017, pp. 26–48 (in Russian).
- Zavorina M.L., Maltseva S.V. Fasadnyi dekor v episkopioj arkhitekturnoi traditsii: edinstvo printsipov i mnogoobrazie sredstv (Facade decoration of the tradition of Epirus: Unity of principles and variety of options). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, no. 2 (17), 2021, pp. 164–184 DOI: 10.25995/NIITI-AG.2021.17.2.018 URL: <https://via.elpub.ru/jour/article/view/27> (In Russian).
- Zaharova A.V., Maltseva S.V. Novye dannye o rospisakh X–XI vv. v Tao-Klardzheti po materialam ekspeditsii N.L. Okuneva 1917 g. (New materials on the 10th–11th century Tao-Klardzheti wall paintings from Nikolai Okunev's expedition of 1917). *Vizantiiskii vremennik (Vizantiyskiy Vremennik)*, vol. 102, 2018, pp. 288–317 URL: <http://www.vremennik.biz/en/node/58884> (In Russian).
- Zakharova A., Maltseva S. Khudozhestvennye traditsii i tserkovno-politicheskaia ideologiya v iskusstve (Artistic Traditions and Church Ideology in the Art of Macedonia at the Time of the Foundation of the Archbishopric of Ohrid). *Vizantiiskii vremennik (Vizantiyskiy Vremennik)*, vol. 106, 2022, pp. 174–199 (in Russian).
- Korać V. *Između Vizantije i Zapada: Odabrane studije o arhitekturi (Between Byzantium and the West: Selected Materials on Architecture)*. Beograd: Prosveta Publ., 1987 (in Serbian).
- Korać V. *Spomenici monumentalne srpske arhitekture XIV veka u Povardarju (Monuments of 14th Century Serbian Architecture in Povardar'e)*. Beograd: Poligraf Publ, 2003 (in Serbian).
- Maltseva S.V. Puti i formy zapadnoevropejskikh vliianii v arkhitekturi Serbii XIV–XV vekov (Western Influences in Serbian Architecture of the 14th–15th Centuries). *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles)*. Vol. 6. Eds. A. Zakharova, S. Maltseva, E. Stanyukovich-Denisova. Saint Petersburg: NP-Print Publ., 2016, pp. 185–196 (in Russian).
- Maltseva S.V. Monastyrskaja arkhitektura epokhi sviatykh Nauma i Klimenta Okhridskikh v kontekste khramovogo zodchestva pervogo Bolgarskogo tsarstva i arkhitekturnykh traditsii vizantijskikh provintsii IX–XI vekov (Monastic Architecture of the Circle of Saints Naum and Clement of Ohrid in the Context of the Church Architecture of the First Bulgarian Kingdom and the Architectural Traditions of the Byzantine Provinces of the 9th–11th Centuries). *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles)*, vol. 10. Eds. A.V. Zakharova, S.V. Maltseva, E.Iu. Staniukovich-Denisova. Saint Petersburg: NP-Print Publ., 2020, pp. 809–828 (in Russian).
- Maltseva S.V. Stroiteli Milutina i Dushana kak provodniki imperskoj ideologii v Makedonii (The Builders of Milutin and Dušan as Agents of Imperial Ideology in Macedonia). *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles)*, vol. 12. Eds. A.V. Zakharova, S.V. Maltseva, E.Iu. Staniukovich-Denisova. Saint Petersburg: St. Petersburg Univ. Press Publ., 2022, pp. 856–881 (in Russian).
- Maltseva S.V. Arkhitektura severnykh okrain Okhridskoi arkhiepiskopii v XI veke (Architecture of the Northern Outskirts of the Ohrid Archdiocese in the 11th Century). *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles)*, vol. 13. Eds. A.V. Zakharova, S.V. Maltseva, E.Iu. Staniukovich-Denisova. Saint Petersburg: NP-Print Publ., 2023, pp. 782–805 (in Russian).
- Maltseva S.V., Freze A.A. Stroitel'stvo v Severnoi Makedonii v period vozvrashcheniia

- pod vizantiiskoe vladychestvo (Architecture of the Northern Macedonia after Reinstallation of the Byzantine Rule). *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva (Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Articles)*, vol. 11. Eds. A. Zakharova, S. Maltseva, E. Staniukovich-Denisova. Saint Petersburg: St. Petersburg Univ. Press Publ., 2021, pp. 422–436 (in Russian).
- Maltseva S.V., Freze A.A. Baziliki XI–XII vekov v Makedonii (Basilicas of the Eleventh and Twelfth Centuries in Macedonia). *Vizantiiskii vremennik (Vizantiyskiy Vremennik)*, vol. 105, 2021, pp. 179–203 (in Russian).
- Marjanović–Dušanić S., Vojvodić D. Obraz tsarstva — ideja i slika vlasti u Srbiji (1299–1371) (The Image of the Empire — The Idea and Image of the Government in Serbia (1299–1371)). *Sakralna umetnost srpskih zemalja u srednjem veku (Sacral Art of the Serbian Lands in the Middle Ages)*. Eds. D. Vojvodić, D. Popović. Belgrade: Službeni glasnik Publ., 2016, pp. 299–316 (in Serbian).
- Marković M. Sveti Nikita kod Skopja: Zaduzhbina kralja Milutina (St. Nikita near Skopje: Endowment of King Milutin). *Sluzhbeni glasnik Filozofski fakultet, Institut za istoriju umetnosti (Official Bulletin of the Department of Philosophy, Institute of Art History)*. Belgrade, 2015 (in Serbian).
- Nemykina E.A. Transformatsiia ideologii Nemanichei v pamiatnikakh epokhi Milutina (1282–1321) na zavoevannykh makedonskikh territoriakh (Transformation of the Nemanich's ideology in the monuments of the Milutin era (1282–1321) in the conquered Macedonian territories). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, no. 2, 2020, pp. 89–106 (in Russian).
- Nenadović S. *Bogoroditsa Levishka: њен postanak i њeno mesto u arhitekturi milutinovog vremena (Bogorodica Leviska: Its Origin and Place in the Architecture of Milutin's Time)*. Belgrade: Narodna knjiga Publ., 1963 (in Serbian).
- Nikolovska S. *Izgradeni i obnoveni manastiri i tsrkvi ot kralot Milutin (Monasteries and Churches Built and Restored by King Milutin)*. Skopje: Monuments of Medieval and Modern History of Macedonia, 1977 (in Macedonian).
- Stanković V. *Kralj Milutin, 1282–1321 (King Milutin, 1282–1321)*. Belgrade: Freska Publ., 2012 (in Serbian).
- Ćirković S. Unutrashnja politika kralja Milutina (Internal Politics of King Milutin). *Istorija srpskog naroda I–II. Od najstarijih vremena do Marichke bitke (1371) (History of Serbian People. From the Earliest Times until the Battle of Maritsa (1371))*. Belgrade, 1981, pp. 462–475 (in Serbian).
- Čurčić S. *Gračanica: Istorija i arhitektura (Gracanica: History and Architecture)*. Beograd, Priština; Prosveta: Jedinstvo Publ., 1988 (in Serbian).
- Jancharkova J., Levoshko S.S. Istorija idej. N.L. Okunev: armianskaia arkhitekurno-stroitel'naia traditsiia v slozhenii serbskoi i makedonskoi srednevekovoi arkhitektury (History of ideas. N.L. Okunev: An armenian architectural and building tradition in the complexity of serbian and macedonian medieval architecture). *Voprosy vseobshchei istorii arkhitektury (Questions of the History of World Architecture)*, no. 1 (20), 2023, pp. 165–178 DOI: 10.22227/2500-0616.2023.20.165-178 URL: <https://via.elpub.ru/jour/article/view/90> (in Russian).
- Yankovich J. *Srpsko Pomorje od 7. do 10. stolecha. (Serbian seaboard from 7 till 10 century)*. Belgrade: Srpsko arheolosko drustvo. Publ., 2007 (in Serbian).
- Čurčić S. *Architecture in the Balkans from Diocletian to Süleyman the Magnificent (ca. 300 — ca. 1550)*. London; New Haven: Yale University Press Publ., 2010.
- Čurčić S. The Epirote Input in the Architecture of Byzantine Macedonia and of Serbia Around 1300. *Collection of Articles in Honor of Academician Panayotis L. Vocotopoulos*. Athens, 2015, pp. 127–140.
- Marasović T. *Dalmatia Praeromanica. Ranosrednjovjekovno Graditeljstvo u Dalmaciji / Korpus Arhitekture Južna Dalmacija, Bosna i Hercegovina, Crna Gora*, vol. 4. Split-Zagreb: Dalmacija papir Publ., 2013 (in Croatian).
- Marasović T. *Dalmatia Praeromanica. Early Medieval. Architecture in Dalmatia. Ist Synthesis*. Split-Zagreb: Dalmacija papir Publ., 2017.
- Peković Ž. Crkva sv. Petra u Dubrovniku. *Starohrvatska spomenička baština, Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža, Znanstveni skup i okrugli stol 6, 7. i 8. listopada*, Zagreb, 1996, pp. 267–277 (in Croatian).